

На южной стороне нашего двора, у самой реки, стояла сливочно-желтая девятиэтажная «сталинка». Весьма скромная, без лепнины и колонн, она, по слухам, была построена с серьезными нарушениями и потихоньку сползала в реку, за что даже расстреляли кого-то из проектировщиков. Впрочем, если это правда, то расстреляли зря, потому что сползала она уже несколько десятков лет, однако же до сих пор не рухнула. Только жильцы жаловались на все новые трещины в стенах и на беспокойные скрипы по ночам — как удачно выразился один отставной подполковник, словно не у себя дома спишь, а в корабельной каюте. Но жильцы на то и жильцы — всегда жалуются.

Одной из главных достопримечательностей «сталинки» был подвал — глубокий, длиной едва ли не во весь дом, со множеством входов, вечно затопленный. От обвивавших стены труб отопления вода нагревалась. Из подвала пахло теплой гнилью, там и зимой выводились комары, мухи и, как утверждали некоторые, даже пиявки. Если город — это каменные джунгли, то подвал «сталинки» был топким болотом, затуманенным паровой дымкой. Практически каждый год в нем находили трупы, имевшие из-за пребывания в теплой воде самый плачевный вид. И нередко у этих трупов то головы не было, то еще что-нибудь важное отсутствовало, а у некоторых — наоборот, присутствовало лишнее. Но, возможно, все объяснялось тем, что разбухших покойников доставали из подвала весьма неаккуратно, чаще всего по кускам.

Разумеется, в подвал постоянно лазали дети. У дворовых мальчишек даже был особый ритуал, нечто среднее между игрой и всамделишной проверкой на храбрость: втолкнуть кого-нибудь из компании в подвал, захлопнуть дверь и дружно на нее навалиться — пусть выбирается как хочет. Если пойдет по подвалу дальше и найдет другую дверь — молодец. А если побоится бродить один по подернутому паром царству комаров и трупов, будет ломиться обратно и ныть, чтобы его выпустили, — значит, трус и слизняк. Но его, конечно, выпустят, только подержат дверь еще немного для острастки.

Вот в такую игру и сыграли однажды старшие пацаны с Лешей Маркиным, который жил в «сталинке» на высоком первом этаже, в квартире номер два. Было это в те времена, когда дети еще носили пламенеющие галстуки и звезды на груди. Леша Маркин, оказавшись в полутьме подвала и ничего после яркого дневного света не видя, боялся упасть и испачкать галстук — он получил его недавно и очень в него верил. За дверью приглушенно гоготали и покрикивали. Когда Леша наконец проморгался, он разглядел ведущие вниз ступеньки, редкие лампы на низком потолке и хитросплетение труб. На облупленных стенах капельками выступала вода.

Леша был из тех маленьких тонкошеих мальчиков, которых в классе никто не замечает до самого выпускного. Впрочем, и на выпускном их замечают редко, а потом, разглядывая школьные фотографии, только плечами пожимают: «Это тот, как его...» — и тут же забывают снова. Учился Леша на «четверки» и «тройки», сидел за предпоследней партой и очень хотел влиться в какой-нибудь коллектив, как всем советовала классная руководительница. Чтобы его тоже звали играть в футбол — Леша млея от сильного тугого звука, с которым мяч отскакивал от сетки, окружавшей спортплощадку. Чтобы хлопали по плечу, погнало ему придумали, чтобы, в общем, приняли за своего.

Но коллектив до этого всего раз обратил на Лешу внимание, побив его в первом классе, — очень по-дурацки вышло, из-за того, что у него хотели отобрать в столовой стакан с компотом, а он с перепугу заартачился и не отдал. А теперь вот коллектив подкараулил его, когда Леша шел из школы домой, и втолкнул в подвал. Еще и ранец надо было куда-то деть, чтобы не потерять и не намочить, а то бабушка убьет. Мелкая Лешина мордочка страдальчески дернулась, когда он представил, как бабушка будет убивать его за порчу имущества.

Конечно, о том, чтобы плакать и орать: «Выпустите!», и речи быть не могло. Хотя очень тянуло. Но на самом деле Леша был смелый, как пионеры прерий и космонавты из разноцветных книг с золотой рамкой на обложке, которые он читал с большим рвением. У Лешы была сила воли. Чтобы ее испытать, он даже слезал иногда ночью с дивана и спал на твердом холодном полу. А когда им в школе показывали диафильмы про ядерную войну, Леше очень хотелось зажмуриться и не видеть покрытых язвами людей, и уши хотелось зажать, чтобы не слушать про лучевую болезнь, но он сидел прямо и смотрел.

Леша представил, что его замуровало в пещере после обвала, — с отважными искателями приключений такое случалось сплошь и рядом. И теперь ему просто нужно найти другой выход. Искатели приключений всегда его находили, только индеец Джо не смог и умер в пещере, но это потому, что он был плохой. Леша осторожно положил ранец у закрытой двери и под возбужденный гогот с той стороны спустился в недра подвала, на разбухший деревянный настил. Под настилом хлюпала мутная вода.

Он прошел несколько десятков метров, разглядывая влажные, покрытые плесенью и матерными надписями стены, трубы и потолок, весь в черных пятнах

копотит от набросанных умельцами спичек. Леша тоже умел кидать горящие спички в потолок так, чтобы они прилипали. Для этого нужно было послуны-вать тот кончик, где нет серы, наскрести им немного побелки и аккуратненько пульнуть спичку огоньком вниз... Из закутков и проемов, ведущих в катакомбы под домом, тянуло влажной землей. Рассказывали, что там неоднократно терялись люди, что сложная система ходов, в которую можно попасть из подвала под «сталинкой», ведет то ли в метро, то ли в подземелья под разрушенным монастырем к востоку от нашего двора, откуда по ночам слышится церковное пение. А скорее всего — и в метро, и в подземелья, и в тоннели под рекой, по которым правительство в войну должно было эвакуироваться из Кремля, и в карстовые пещеры, куда еще не ступала нога человека. Бесчисленное множество ходов, бог знает кем проложенных и где заканчивающихся, пронизывает всю толщу земли под центром города, и постепенно он проседает, потому и возникают в асфальте то тут, то там зияющие провалы. Пустоты растут, подтачивают почву, и когда-нибудь вся Москва уйдет под землю, как град Китеж под воду. И небывалое событие — московское землетрясение, которое было еще свежо в памяти дворовых пенсионерок, подтверждало близость катаклизма.

— Первый звоночек! — говорили на лавочках у подъездов.

Сливочно-желтая «сталинка» была всего лишь незначительным внешним проявлением этого огромного подземного мира, плодовым телом, порожденным многокилометровой грибницей ходов. По крайней мере, некоторые обитатели нашего двора считали именно так.

В одном из подвальных закутков Леша заметил что-то темное и большое, наполовину погруженное в воду. Видно было плохо, но оно походило на лежащего человека — вытянутое, веретенообразное. «Труп», — мелькнула в Лешиной голове обжигающая мысль. Сердце подпрыгнуло, но не столько от страха, сколько от азартного любопытства. Леша представил, как сам вызовет милицию, станет героем двора, тем мальчиком, который нашел труп. Пацаны, которые втолкнули его сюда, умрут от зависти, а он потом всем в классе будет рассказывать, что видел всамделишного мертвеца. Вот тогда он точно вольется в коллектив, про мертвеца в подвале все захотят узнать. Только надо сначала проверить, действительно ли это мертвый человек. Будет очень обидно, если приедут милиционеры — а там просто мешок с мусором или дохлая собака...

Леша постоял немного на краю настила — в закуток доски не проложены, придется идти по щиколотку в воде. Но соблазн был слишком велик. Леша никогда в жизни не видел покойников, и ему было до ужаса интересно. Он снял ботинки, сунул в них скомканные носки, поставил ботинки на доски и опустил ноги в мутную воду — ничего, тепленькая. Отодвинул ботинки подальше от края — вдруг упадут и намокнут, тогда бабушка точно убьет, — и побрел к тому темному, за-гребая воду ногами.

В закутке было сумрачно, пахло, как из мусоропровода. Да и наполовину погруженная в воду темная грудка все больше напоминала кучу мусора. Вода плескалась и хлопала, выложенное кафелем дно, когда-то бывшее полом, оказалось жутко скользким. Держась за стену, чтобы не упасть, Леша приблизился к своей находке.

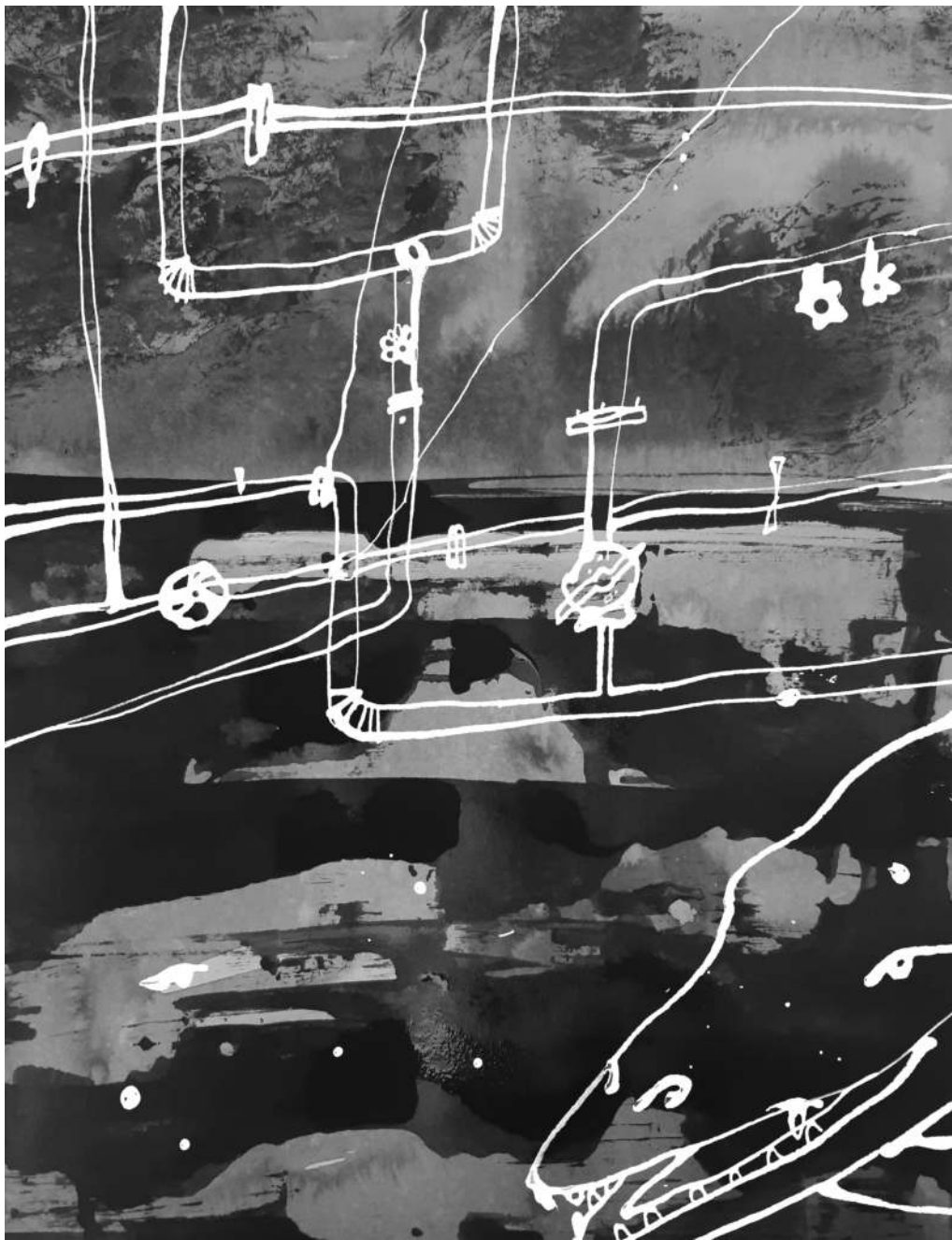
Тут темная грудка шевельнулась и подняла из воды длинное рыло, измазанное черными хлопьями грязи. На конце рыла мерно смыкалась и размыкалась вертикальная щель рта с острыми желтыми зубами, издавая мерзкий сосущий звук. В очертаниях существа угадывалось что-то дельфинье, но Леше, любившему разглядывать картинки с морской фауной в «Детской энциклопедии», в этом сходстве почудилась скорее злая пародия, перекоившая знакомые формы в нечто противоестественно уродливое. «А глаза, — отчаянно пискнуло у него внутри, — где у этого вообще глаза?!»

Леша в ужасе заорал, поскользнулся и упал в воду. Проехал по инерции вперед по скользкому, как мыло, кафелю и, барахтаясь в вонючей взвеси, случайно задел неведомую тварь левой рукой. Ладонь погрузилась в мягкое и склизкое, тварь забулькала, заклекотала, вздыбившись над водой и раздуваясь в пульсирующий пузырь... Леше наконец удалось подняться на ноги, и он побежал — продолжая орать, ничего не видя. Он поскользнулся, падал, разбивал колени и локти, но ничего не чувствовал, вообще ничего, даже страха, и ни о чем не думал, ему просто было жизненно необходимо убраться подальше от этой твари, как угодно, хоть на четвереньках, хоть ползком...

Его привело в чувство дуновение ветра. Свежий, невозможный в этом затхлом подземелье ветер нес запах дождя, мокрого асфальта, сладковатый глennyй дух недавно опавших листьев. Леша жадно вдохнул его и остановился, хрипя и сглатывая тягучую слюну. Сильно кололо в правом боку. Тусклый свет редких ламп заливал коридор. Леша стоял на деревянном настиле, а в нескольких метрах от него взбегали вверх, к распахнутой двери, обшарпанные ступени. Возле двери валялся школьный ранец.

Старшим пацанам давно надоело ждать Лешу, и они пошли искать себе другие развлечения. Во дворе стемнело, и казалось, что желтые осенние листья светятся вместе с фонарями. Леша, хромя, поднялся по лестнице, взял ранец и вышел из подвала.

Бабушка его, конечно, убила. Убивала долго: трясла, шлепала, голосила, вертела туда-сюда, несколько раз бегала на кухню, к иконкам в углу, плакала там скороговоркой: «Прости, Господи, прости, Господи!» — и снова возвращалась убивать Лешу. Она знала, зна-ла, что сегодня случится что-то плохое: утром, когда бабушка выходила со двора, на нее в арке налетела та худющая цыганка из углового дома, или не цыганка, кто они там. И так зыркнула, что у бабушки сердце захолонуло. Извинялась всё, а сама смотрит, ведьма глазливая, и вот точно — наглядела беду, что же это такое делается, а ботинки-то где, Господи прости!.. Ободранный и мокрый Леша молчал. От бабушки пахло корвалолом. Потом, так и не

добившись ответа на вопрос, куда он подевал ботинки, совсем новые ботинки, за которыми она полдня стояла в очереди, бабушка погнала его в ванную:

— Пока не отмоешься — не выпущу!

У них в квартире на всех дверях были задвижки — и изнутри, и снаружи, — а дверь бабушкиной комнаты закрывалась на ключ. Однажды, еще до Лешы, бабушку ограбили, вынесли все — и золотые коронки, спрятанные в морозилке, и семейные жемчуга с янтарями, укрытые среди белья. С тех пор бабушка очень боялась воров. А еще задвижки помогали ей воспитывать Лешу: если он, к примеру, плохо ел суп, бабушка могла запереть его на кухне, пока не доест, потому что стыдно не доедать, в войну люди голодали.

Раздеваясь, Леша заметил, что левая ладонь у него вся в какой-то темной слизи. Он поскорее смыл ее — слизь длинным плевком ушла в сливное отверстие. Кожа на ладони покраснела, а в самом центре, там, где пересекаются линии, появилось шелушащееся пятно с неровными краями. Хорошо, что бабушка не увидела, подумал Леша. Она всегда беспокоилась о его здоровье и очень ругала за всякие болячки.

Леша залез под душ и долго мылся с мылом, тер за ушами и в паху, выковыривал грязь из-под ногтей. А шелушащееся пятно на ладони долго тер пемзой, пока не стало совсем уж больно, и вроде оттер.

Потом они сидели в бабушкиной комнате, под зеленой настольной лампой. Бабушка щурила влажные, всегда как будто заплаканные глаза за стеклами очков и мазала Лешу йодом. Мазала щедро, несколько раз проводя ваткой по каждой ссадине. Тоненькие волокна ваты цеплялись за обрывки кожи, Леша, стиснув зубы, тихо выл. А бабушка размеренно приговаривала, что он мальчик, пионер, солдат, солдатам нельзя плакать.

— Вот если пулей в тебя на войне попадут, тоже плакать будешь?

— Не попаду-ут, — корчился Леша. — Всех сразу бомбой атомной убьют. Нам в школе говори-или...

— Типун тебе на язык! Кто это нас бомбой убьет, кто? — заморгала бабушка.

Об этом Леша никогда не задумывался, да и на уроках не уточняли, кто убьет, когда показывали диафильмы про бомбу.

— Дурак. — Бабушка приложила ватку к пузырьку, перевернула его и энергично потрясла.

На следующее утро левая ладонь начала чесаться. Леша посмотрел на нее, и в голове вдруг стало горячо, словно он увидел «двойку» на листе со своей контрольной или понял, что проспал на целый час. Пятно было на прежнем месте, оно стало больше и уже подползало к пальцам.

Леша прокрался в ванную и опять долго тер руку мылом и пемзой. А потом, когда бабушка вышла к туалет, встал на колени перед ее иконками в углу и прошептал, воровато оглядываясь:

— Хоть бы не лишай, хоть бы не лишай, аминь!

Леша был храбрым и с силой воли, но больше всего на свете боялся трех вещей: глистов, вшей и лишая. Про глистов бабушка ему часто рассказывала: как они грызут печень и разрастаются на много метров в кишках у тех, кто не моет руки и подбирает всякое с земли. И как однажды у бабушкиной знакомой пошел ртом длинный-длинный червь-солитер, и она наматывала его на карандаш, потому что если оборвется и хотя бы маленькая частичка останется внутри — червь вырастет заново.

Вшей у них регулярно искали в школе. Медсестра приходила прямо в класс, копалась в головах у всех по очереди, и если находила — это был страшный позор для завшивленного. От него потом шарахались, говорили, что он вшивый, не моется, спит под забором и наверняка ворует из карманов в раздевалке, как все неблагополучные. Леша даже представлять себе боялся, что с ним сделает бабушка, если у него вдруг окажутся вши. Ее передергивало от одного этого слова, и она тут же принималась вспоминать, как у нее в детстве были вши, и у всех ее братьев и сестер были вши, потому что жили бедно, не то что Леша сейчас, а когда вшей вычесывали на тряпку, тряпка шевелилась...

Но хуже всего был лишай. От него лысели и покрывались зудящей коростой, и волосы больше никогда не отрастали вновь, потому что лишай был стригущий. Так, по крайней мере, говорила бабушка, когда запрещала Леше трогать дворовых кошек. Кошки и правда были с проплешинами, в каких-то болячках, у многих текло из глаз и носа. Дотронешься до такой — и заразишься, будешь чесаться до умопомрачения, и волосы полезут клочьями. А начинается лишай с шелушащегося пятна, это Леша прочел в «Медицинской энциклопедии» и запомнил намертво.

В том, что от неведомой твари из подвала запросто можно подцепить лишай, Леша не сомневался ни секунды. Было страшно даже подумать, чем могут болеть такие, как она. Может, от ее подземного лишая крошатся кости, или вытекают глаза, или все тело покрывается гниющими наростами, или отваливаются нос, уши, потом пальцы... Леша читал в бабушкиной страшной энциклопедии, что при какой-то болезни пальцы точно отваливаются.

Несколько дней Леше удавалось прятать расплзающееся по руке пятно от бабушки. В школе он заматывал кисть носовым платком, прятал ее в рукав. Все надеялся, что само как-нибудь пройдет.

Но перед очередным обедом бабушка преградила ему путь на кухню:

— Руки вымыл? Покажи!

Наивно упорствуя перед лицом катастрофы, Леша показал только правую, а левую спрятал за спину. Бабушка ухватила его за локоть, ткнув сухим острым пальцем прямо в ту чувствительную точку, где проходит нерв. Леша ойкнул и подчинился. Бабушкины брови взлетели выше очков, а подбородок с четырьмя, Леша считал, седыми волосками мелко затрясся:

— Это что? Это как? Ты почему не сказал?!

Шелушащаяся красноватая корка уже перешла на предплечье.

Пришла тетенька-врач из поликлиники — бабушка наврала по телефону, что у Леша вдобавок к корке поднялась температура. То есть не наврала, а сочинила, взрослые не врут. Леша терпеливо держал в подмышке градусник, пока врач, надев очки и вывернув колапак настольной лампы, изучала его левую руку. Потом она посмотрела на градусник, покачала головой и сказала, что у Леша, скорее всего, чесотка.

— А не лишай? Вот тут, смотрите, похоже. — Бабушка положила на стол растрепанную «Медицинскую энциклопедию». — Точно не лишай у него?

— Вы бы лучше псориаза боялись, — процедила тетенька-врач, и Леша подпрыгнул: не хватало, чтобы они с бабушкой еще и псориаза начали бояться! — Скорее всего, чесотка.

Бабушка облегченно выдохнула:

— Ну, чесотка — это нестрашно. У Светочки моей тоже была в детстве, мазями вылечили. Слава Богу, слава Богу... Я ему все время напоминаю: помой руки с мылом. Не моет! Он вообще страшный грязнуля. Вы ему скажите, что чесотка — это болезнь грязных рук!

— Угу, — кивнула тетенька-врач и ушла в ванную.

— Ба, а мама что, тоже грязнуля была? — беспечно спросил Леша.

Бабушка ахнула и ударила его по губам:

— Не смей!.. — На ее коротеньких ресницах повисли слезы, увеличенные стеклами очков. — Не смей так о матери покойной говорить!

Леша молча облизал губы и шумно втянул слюну с кровью. Бабушка опять ахнула, сунула ему платок, а сама подошла к иконе на полочке и шепотом попросила у нее прощения за то, что сироту нечаянно обидела.

Вернулась врачиха, отдала бабушке рецепт и стала одеваться. Велела больше ее не вызывать, самим приходите через две недели в поликлинику, если мазь не поможет. И обязательно всю Лешину одежду, постельное белье постирать и прокипятить. Бабушка кивала и благодарила своим специальным голосом для чужих, таким тоненьким и ласковым, и вынесла ей кусок пирога с вареньем. Потом закрыла дверь и хмыкнула:

— Ишь, цаца...

На самом деле бабушка врачей ненавидела, а больницы-поликлиники и по-прежнему и вызвала тетеньку только потому, что уж очень боялась заразного лишая. Эти самые врачи в больнице погубили Лешину маму Свету, совсем молодую, и она теперь смотрела с фотографий с той потаенной печалью в глазах, которая бывает только у мертвых. Леша тоже чувствовал к врачам неприязнь — если бы они не погубили маму, ему не пришлось бы жить вдвоем с бабушкой.

Сначала бабушка мазала Лешу мазью сама, потому что он ничего не умел делать как надо, потом сказала, что он уже взрослый оболтус и как-нибудь один справится. Шелушащаяся корка переползла на грудь, а ладонь, с которой все началось, стала покрываться трещинами. Бабушка нашла в старых записных

книжках номер телефона единственного врача, которому доверяла, — уролога, когда-то вылечившего дедушку, человека во всех отношениях замечательного. Тот выслушал очень внимательно. Сказал, что у Леша однозначно не лишай, но и не факт, что чесотка, скорее, обыкновенная экзема на фоне полового созревания, такое часто встречается. А мазь прописали дрянную, лучше сделать смесь из серной, цинковой мазей, тертого картофеля и топленого масла. И, конечно, ванночки с солью. В первую неделю может быть ухудшение, это совершенно нормально.

Бабушка повесила трубку и вздохнула с облегчением — вот какой же человек замечательный, выдающийся специалист, врач от бога, сразу надо было ему звонить, а не дуру эту звать из поликлиники. И пошла на кухню тереть картофель.

В школе корку давно заметили и дразнили Лешу беспощадно. Он наконец получил собственное погоняло, только очень обидное: Леша-Лишай. Даже двоєчница Панкратова, которую саму обзывали слабоумной, отсела от него за другую парту — а вдруг он заразный? И заявила, что от Леша плохо пахнет. Вот ее бы мазали всеми мазями сразу и топленным маслом в придачу — еще бы не так завоняла...

Леша стал чаще просыпать уроки, жаловался, что у него болит голова. Вдобавок — видимо, от всех свалившихся неприятностей, — у него совершенно пропал аппетит. Даже хуже: он чувствовал голод, но от бабушкиной стряпни его буквально тошнило. Бабушка и любимые макароны с сыром ему готовила, и сладкий молочный суп с лапшой — все равно невкусно было до омерзения.

Бабушка запирала его на кухне, пока не съест, и кричала через дверь, что он неблагодарный, бабушка целыми днями у плиты корячится, чтобы его вкусеньким накормить, а он плюется, вот завтра бабушка вообще ничего готовить не будет, чтоб он поголодал, сам-то яйца сварить не умеет. Избаловала его бабушка, есть грех, избаловала, хотела, чтобы все у него было, чтобы голода не знал, вот он и капризничает, бесстыжий, в войну люди мякину ели, а у него хочешь — варенье, хочешь — печенье, и плюется еще, физиономию кривит...

Леша дожидался, когда бабушке надоест и она уйдет к себе, а потом тихо выбрасывал всю еду с тарелки в окно. Под окном теперь постоянно дежурили дворовые кошки.

Как-то, сидя взаперти на кухне, Леша полез в холодильник и увидел там заплесневелый кусочек сыра. Бабушка ничего не выкидывала, она всегда обрезала испорченные участки, сушила, перетапливала, замораживала — в общем, не давала еде пропасть... От сыра шел очень приятный запах. Леша взял кусочек, чтобы понюхать, и как-то незаметно положил в рот. Это оказалось невыносимо, до дрожи вкусно, и Леша долго не глотал сыр — перекачивал во рту, рассасывал, надкусывал и снова рассасывал, чтобы продлить удовольствие.

А потом, уже не смакуя, а давясь и зажевывая куски упаковки, он сожрал полоску прогорклого масла, наполовину сгнившее яблоко, пахучую склизкую сосиску, еще что-то, покрытое слоем нежнейшей плесени, и завершил свой пир

оставшимися на доньшке банки с лета грибами в мутном холодце рассола. Впервые за несколько дней он наелся досыта.

Вечером, размазывая по телу прописанную урологом смесь, Леша обратил внимание, как углубились трещины на левой ладони. Будто руку обмазали глиной, а потом глина высохла. Леша осторожно поддел ногтем краешек одной из трещин — мы не знаем человека, который не предавался бы сладостному расковыриванию болячек, — и неожиданно снял довольно большой и плотный лоскут кожи. Причем ему совершенно не было больно — разве что неприятно самую малость. В голове стало горячо, Леша испуганно запыхтел, но вскоре успокоился, увлеченный изучением себя. Под лоскутом оказался слой другой кожи, красно-бурой, мягкой, покрытой темной слизью. Леша тронул слизь пальцем, она сразу прилипла к подушечке и поднялась вместе с ней полупрозрачным столбиком.

Тут Леша увидел, что у него отошел ноготь. Тот самый, которым он только что поддевал трещину. Полупрозрачная тонкая пластинка приподнялась и съехала немного вбок. Леша попытался приладить ноготь на место, а тот совсем выскочил из лона. Стало немножко больно, словно Леша не очень удачно сорвал заусенец. И прошло. На том месте, где был ноготь, тоже поблескивала другая кожа, покрытая слизью.

Леша лег в постель, исполненный ледяного спокойствия. Теперь он точно знал, что с ним происходит. Он распадался, как тела тех беспечных дурачков из диафильма, которые не спрятались от ядерного взрыва. Он умирал от лучевой болезни. Хоть бабушка и запрещала коварным врачам делать ему рентген, и телевизора у них не было, и к отравленным водам реки он даже близко не подходил, его все-таки зацепили невидимые смертоносные лучи. Бабушка говорила, что и молоко бывает радиоактивное, и хлеб, и даже дождь — вдруг тучу из Чернобыля принесло.

Но, скорее всего, радиоактивной была та подвальная тварь. Она ведь запросто могла оказаться радиоактивным мутантом, выползшим из какого-нибудь захоронения ядерных отходов. Зря бабушка боялась, что «сталинку» рано или поздно расселят и им придется переезжать в спальный район, где каждый второй дом — тут бабушка обычно делала паузу и показывала два пальца, — построен на таком захоронении. Радиация сама к ним пришла...

И раз Леша умирал, то все стало ненужным. Больше не надо хорошо учиться, чтобы поступить потом в институт, а не в ПТУ на дворника, как пугала бабушка. И бабушку тоже не надо больше бояться. Можно даже сейчас не спать до самого утра, включить свет и читать книжку или вообще клеить кораблики. Можно делать что хочешь, и пусть бабушка ругается, все равно это скоро кончится, и она будет плакать и всем расхваливать Лешу, когда он умрет и встретится в раю с мамой, которую погубили врачи. Бабушка говорила, что все дети попадают в рай, а это весомый аргумент в пользу того, чтобы умереть до восемнадцати.

Как раз наступили выходные, и два дня Леша пролежал у себя в комнате на диване, морально готовясь к тому, как скажет бабушке, что ему больше не надо

в школу. За окном шуршал дождь, стучали по карнизу капли, и бабушка не гнала Лешу, как обычно, «дышать воздухом». Под диваном доходили до кондиции утащенные с кухни помидор с подкисшим бочком и несколько кусков зеленоватой колбасы.

Утром понедельника бабушка, как обычно, вошла в его комнату одновременно со звоном будильника. Она отдернула занавеску, и холодный свет осеннего солнца хлестнул Лешу по лицу. Леша вскрикнул и закрылся одеялом. Больно было не только глазам, кожу тоже словно ошпарило.

— А ну вылезай! Чего это ты... — Бабушка осеклась, круглыми глазами глядя на послушно опустившего одеяло Лешу, и прижала руку ко рту. Потом быстро задернула занавески и сказала: — Давай сегодня ленивый день устроим. Помнишь, как в садике?..

— Как мама устраивала? — настороженно прошепелявил Леша. Язык у него как-то странно распух за ночь и ворочался с трудом.

— Как мама, как мама... Полежи сегодня, выспись...

Стукнула дверь, потом Леша услышал, как бабушка говорит с кем-то за стеной. Собеседника слышно не было — значит, по телефону. Телефон стоял в коридоре, на тумбочке, но, когда бабушка не хотела, чтобы Леша подслушивал, она уносила его на кухню — длины шнура хватало. Хотя все равно было слышно.

Бабушка долго говорила, потом долго молчала — слушала, — потом, кажется, начала спорить. До Леша долетали возмущенные возгласы:

— Как это не бывает, как это не бывает? А я вам говорю...

Потом что-то грохнуло, звякнуло, бабушка закричала:

— Жулик! Все вы жулики! Шарлатаны! Убийцы!

И стало тихо.

Леша перевернулся на живот и сразу провалился в сон. В последнее время ему постоянно хотелось спать.

Так, на грани сна и яви, прошло какое-то количество дней. Леша лежал у себя в комнате на диване, в приятной полутьме. Иногда выползал на кухню, отыскивал в холодильнике прокисшее молоко или гнилую картофелину и быстро, пока бабушка не увидела, съедал. Потом снова спал. Слышал сквозь сон, как бабушка монотонно бормочет молитвы. Во время одного из путешествий на кухню Леша заметил, что куда-то пропало овальное зеркало, висевшее в коридоре, над тумбочкой с телефоном. Во время другого — что постельное белье покрылось темной слизью и липнет к телу. Хотя так было даже приятнее. Только мешались какие-то очень крупные и твердые крошки, впивавшиеся в бока. Одну он нашел и долго рассматривал. Она удивила его своим сходством с настоящим человеческим зубом.

Наконец ему стало лучше, и чесаться все стало меньше, и почти прошла неоценимая сонливость. Леша проснулся вполне бодрым и сразу учуял восхитительные запахи влаги, мокрой земли, прелых листьев, дождевых червей и гниющего

дерева. И мусоропровода. И размокшей штукатурки и плесени — где-то совсем рядом был открытый вход в подвал. Леша вспомнил пар над водой, тянущиеся вдоль стен жаркие трубы, уютные темные закутки и ходы, в которых всегда можно спрятаться. И ему вдруг так остро захотелось на улицу, под дождь, в подвал, словно он просидел взаперти целый год, а то и больше. Леша скатился с дивана, просочился в коридор и тихонько, чтобы бабушка не услышала, направился в прихожую.

Бабушка услышала. Она проскочила у него под боком и загородила собой дверь:

— Ты куда? Нельзя, Лешенька, нельзя!

Леша недовольно забурчал.

— Никак нельзя, Лешенька. Люди-то что скажут, а? — Бабушка подняла на него жалобный взгляд, всхлипнула. — Люди что скажут?

Леша забурчал громче и надвинулся на нее. Он хотел выйти отсюда во что бы то ни стало. Бабушка прятала взгляд, отворачивалась, а потом вдруг достала что-то из кармана фартука и заговорила ласково, заискивающе, дрожащим от нежности голосом — так, как никогда прежде с Лешей не разговаривала:

— А вот что у меня есть? Что у меня есть? Нравится тебе, да? Знаю, нравится...

В руке у нее был большой кусок заплесневелого хлеба. Круглые белые пятна плесени с зеленой сердцевинкой — такую Леша любил больше всего.

Шумно сглотив, Леша потянулся за хлебом. Но бабушка снова проскочила у него под боком и оказалась у двери в ванную. Протянула кусок, будто дразня:

— Проголодался? Ты ж моя лакомка. Иди, иди сюда...

Леша приблизился, потянулся за хлебом и уже почти взял его, но тут бабушка повела себя совсем странно. Она распахнула дверь ванной и швырнула хлеб туда, в темноту. Голодный Леша с обиженным ревом ринулся за ним, а бабушка захлопнула дверь и заперла ее на задвижку.

Леша долго бушевал в темной ванной, бился о стены, об дверь, сорвал с крючков все полотенца, сшиб висевший над раковиной шкафчик. Потом устал и вспомнил, что еще не завтракал. Долго шарил в темноте, наконец нашел закатившийся под ванну хлеб и проглотил его в один присест, успев, правда, вспомнить о каких-то там особых героических людях, которые, оказавшись в безвыходном положении, прямо как он сейчас, делили еду на маленькие порции, растягивали... что-то там они точно растягивали.

Бабушка за стеной говорила со своими иконами, молилась требовательно и отчаянно. Нет чтобы хоть раз в жизни поговорить вот таким настоящим, не воспитательным голосом с Лешей...

В темноте, на твердом кафеле он просидел довольно долго. Сначала, конечно, надеялся, что бабушка вот-вот его выпустит — ведь он все понял, подумал над своим поведением, он может даже попросить прощения. Ладно, нельзя на улицу — значит, нельзя. Он все ждал, что бабушка подойдет к двери, спросит, все ли, мол,

он понял, и он ответит, что все. Но бабушка разговаривала только с иконами. А к двери подходила всего пару раз, молча, и мазала ее чем-то, что ли. Потом дробно капало на пол. Леша ревел, кидался на дверь, но она не поддавалась.

Вдруг зазвонил телефон. Звонил долго — сначала десять трескучих трелей и умолк. Потом еще десять... двенадцать... И бабушка наконец сняла трубку. Поздоровалась ласковым голосом, предназначенным для чужих. Поугукала, потом сказала, что Леша в школу пока не может ходить, он болеет. Сильно болеет, да. И врача вызывали, разумеется, врач сказал дома лежать. Это, наверное, классная руководительница звонила, вспомнила наконец, что в классе кого-то не хватает.

Есть хотелось ужасно. Леша вполз под ванну и стал слизывать влажную, землянистую на вкус грязь, забившуюся в щели между кафельными плитками. На стене там было немного плесени, но плесень он пока оставил про запас, как какие-то там особые люди, про которых он откуда-то знал.

Снова поползло тягучее время — не то часы, не то дни. Леша устал биться об дверь, да и болело уже все, и понятно стало, что бабушка его не выпустит. Она все молилась, переходя с шепота на низкий пугающий крик. Из-под двери тянуло корвалолом и чем-то церковным, приторным. В ванной было темно, холодно и тесно, Леша с трудом находил более-менее удобное положение, чтобы поспать. Бабушка сошла с ума, понял он, и хочет его здесь уморить. Ну и пусть, у него все равно какая-то там страшная болезнь, от которой выпадают волосы и зубы.

Опять звонил телефон. И бабушка уже не таким ласковым голосом опять объясняла, что нет, Леша не может прийти в школу, он очень сильно болеет. До конца четверти он не сможет прийти совершенно точно. Нет, помощь не нужна. Что значит — как-то решить вопрос? Они учителя, пусть они и решают, пусть сами разбираются, это их работа!..

Леша слушал разговор, прикинув к щели под дверью. Когда в коридоре включали свет, в щель было видно паркет и полоску синих обоев. И еще какую-то черную веревку... нет, не веревку, это был провод. Длинный телефонный провод, который волочился за бабушкой, когда она таскала телефон на кухню для всяких секретных разговоров. Леша отчетливо вспомнил лакированную, с тускло-золотистой фурнитурой тумбочку, на которой стоял телефон. От двери ванной до тумбочки всего ничего, рукой подать.

Он дождался, пока в квартире все стихнет, а бабушка перед сном повернет ключ в своей двери, и начал осторожно расширять щель. С нижней части двери давно сошла краска, дерево стало рыхлым, пористым... и вкусным. Леша отламывал щепку за щепкой, потом стал грызть — оказалось, так даже удобнее. Иногда он слышал скрип пружин, шарканье тапочек по паркету — и замирал, вжавшись в холодный пол. Но ключ больше не поворачивался, бабушка оставалась у себя в комнате. До утра она обычно не выходила, а для срамных целей у нее под кроватью стоял бывший Лешин ночной горшок с синим цветочком на боку.

Наконец Леше удалось просунуть под дверь конечность и с третьей попытки схватить телефонный провод. Леша сразу же, чтобы не успеть испугаться или засомневаться, потащил его к себе. Просунул в щель, ухватился покрепче и начал тянуть. Пыльный тонкий провод всасывался под дверь ванной стремительно, как макаронина в рот, — и что только Леша находил раньше вкусного в этих разваренных трубочках, склеенных бледной сырной массой...

Раздался грохот и звон — это телефон рухнул на пол. В бабушкиной комнате заворочалось и закрипело. Отголоски звона никак не хотели умолкнуть, они как будто повисли в неподвижном темном воздухе. Леша распластался на кафеле и затаил дыхание. Он почти видел сквозь стены, как разбуженная бабушка сидит в своей постели и всматривается в темноту широко раскрытыми глазами... Ключ не повернулся. Леша ждал. Звон потревоженных чашек-колокольчиков внутри телефона затих. Щелкнуло что-то в паркетных досках — оно часто так щелкало ночью, само по себе. Загудел на кухне холодильник. Машина проехала под окном — и снова Леша почти увидел, как ползут по занавескам полосы света от фар. Он выдохнул и начал подтягивать телефон к двери ванной. Телефон ехал по половицам невыносимо шумно и медленно. Леше казалось, что он уже слышит железный треск замка, но теперь отступить было поздно. Бабушка все равно заметит телефон на полу, все равно сразу поймет, что к чему, и все равно убьет Лешу. Он тянул за провод и мысленно повторял умоляющее, монотонное: «Пожалуйста пожалуйста пожалуйста пожалуйста...»

Наконец, не веря в свою удачу, Леша подтащил дребезжащий аппарат к двери. Нашупал трубку, притиснул ее к щели вплотную. Нашел рычаги и нажал на них. Из щели донесся спокойный, чуть потрескивающий длинный гудок. Телефон как будто говорил: вот он я, чем могу служить, чего изволите? Леша нащупал диск, отыскал металлическую полоску стопора — «ноль» сразу под ней, это он знал точно. И набрал «02».

— Дежурный слушает, — писклявым, немного игрушечным голосом ответила трубка.

Леша страшно обрадовался. Он давно уже придумал, что скажет, подобрал нужные слова и много раз проговорил про себя: это звонит Леша Маркин из второй квартиры, бабушка сошла с ума и заперла меня в ванной, тут темно, у меня лишай или лучевая болезнь, я точно не знаю, а бабушка все время молится и не хочет меня выпускать, я сижу тут уже много дней...

Но вместо всего этого целый залп булькающих и хлюпающих звуков вырвался у него изо рта. Леша изумленно умолк, попробовал снова — и снова получился какой-то мокрый клекот.

— Что? Дежурный слушает! Что у вас?

Ключ в бабушкиной двери повернулся, и вспыхнул свет в коридоре. Бабушка подошла к щели — Леша увидел ее ноги в красных клетчатых тапочках — и забрала телефон, со стуком положив трубку на рычаги. Потом хрипло сказала:

— Тварь. — И еще раз, откашлявшись: — Тварь.

Леша мог бы схватить ее за голую щиколотку, но не стал. Теперь, глядя на освещенную щель под дверью, он понимал, что никак не смог бы просунуть туда руку, свою человеческую руку. А если бы смог, не дотянулся бы до провода — Леша вспомнил, какой широкий и длинный у них в квартире коридор, он катался по нему на трехколесном велосипеде, когда был маленьким. Человеческие руки не растягиваются, как щупальца. И вертикальная щель его рта уже давно не умела воспроизводить понятные людям звуки. Здесь, в сырой темноте ванной, он на протяжении многих дней необратимо менялся, сам того не замечая.

Леша вскинул к потолку длинное рыло и заревел...

И ему ответили десятки голосов — скрипучих, шелестящих, стрекочущих. Леша не знал языка, на котором они говорили, но голоса казались давно знакомыми. Он почти видел их обладателей сквозь стены... Что-то щелкнуло — не то в старом паркете, не то у Леша внутри, — и он действительно увидел. Сливочно-желтая «сталинка» стала прозрачной, и Леша увидел, как в ее кирпичных стенах, в трухлявых перекрытиях, во влажном чреве подвала — везде копошатся всякие-разные твари, тлеют огоньки глаз. И как робко и жадно тянутся чудные морды, усики, щупики к людям, к их теплу и довольству, к их мягким телам, занимающим так много места в доме, который на самом деле наш...

— Наш, наш, наш... — забулькал Леша.

Подвальная тварь, до которой он когда-то случайно дотронулся, учуяла его и тоже вскинула морду. Она сочувствовала Леше и хотела быть ему другом. Она звала его вместе пастись на тучных подвальных пастбищах и путешествовать по хитросплетениям ходов, звала туда, где переливаются зеленоватым светом нити грибниц и тянет вечную анафему всем, кто наверху, подземный игумен.

Леша бросился на дверь — раз, другой, — и она со звонким щелчком треснула посередине. За дверью маячил блеклый силуэт бабушки, она обхватила свое рыхлое тумбообразное тело рябыми руками, и из глаз у нее капала вода. Все Лешино нутро закипело и вспенилось от ярости. Вот и стал он наконец большим — почти всю ванную уже занимает, — стал сильным, и пусть теперь бабушка сама его боится!..

Дверь подалась еще немного, и наконец Леша буквально выдавил ее, навалившись всей своей огромной тушей. Распрямившись, он уперся в потолок и навис над бабушкой. Бабушка истошно закричала, прикрывая голову руками. Настоящим своим голосом кричала, не воспитательным и не для чужих. И даже бога не пыталась ни о чем просить всякими старинными словами, просто кричала:

— Ой-й! А-а-а мамочка-а-а!..

Вот уж никогда бы Леша не подумал, что бабушка на самом деле такая маленькая и беспомощная. От нее пахло вареным луком и близкой смертью. И еще страхом, запах был острый, неприятный и вместе с тем какой-то жалобный. Леша замер, принюхиваясь, потом отпрянул и метнулся в прихожую. Налетел с размаху на входную дверь, оставляя на ней пятна темной слизи... И бабушка услышала знакомое позвякивание. Так Леша обычно уходил гулять — медленно снимал

цепочку, открывал замок потихоньку, чтобы выскользнуть из квартиры незаметно. Она, конечно, все равно замечала...

Бабушка посидела на полу в коридоре еще секунд десять, прислушиваясь к своему больно колотящемуся сердцу. Томная слабость сковала тело, будто на солнцепеке в жару. Ночная сорочка прилипла к вспотевшей коже, а ляжки, кажется, были мокрыми вовсе не от пота — как гнусно, как стыдно, Господи прости... Но нечего о себе беспокоиться, чай не барыня, надо взять себя в руки, как всегда делала, и выяснить, что там с тварью. И с Лешенькой.

Держась за стену, с трудом переставляя трясущиеся ноги, бабушка вышла в прихожую.

— Лешенька?

Дверь на лестничную клетку была распахнута настежь. Из темного проема тянуло холодом. Опять лампочку вывинтили. И еще, кажется, грохотало что-то в подъезде, внизу, там, где ход в подвал.

Из квартиры напротив высунулся сонный сосед, молодой мужчина в больших очках и с бородкой. Удивленно посмотрел на перепачканный темной слизью пол, на застывшую на пороге бабушку в одной сорочке. Спросил, не случилось ли чего.

— Нет, — медленно покачала головой бабушка. — Ничего не случилось.

Внизу в последний раз грохнуло, прошуршало и стихло. Сосед прислушался:

— Хулиганят, что ли? Слышите шум?

— Нет, — снова покачала головой бабушка. — Не слышу.

А через неделю после всего этого в вечно затопленном подвале «сталинки» утонул второклашка. Никто так и не понял, как он умудрился утонуть в воде глубиной чуть выше щиколотки. Он плавал в каком-то техническом закутке, лицом вниз, руки по швам, будто даже барахтаться не пытался. Рот его, говорят, был распахнут так широко, что порвался в уголках, а глаза вытекли.

Случился большой скандал, начальника ЖЭКа уволили по статье, все входы в подвал забрали решетками и заперли, а некоторые даже замуровали. Так что больше дети в подвал не лазают.

Но трупы там находят по-прежнему.